

Е.В. Жаринов

ПРОРОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО МАГИСТРА ТАМПЛИЕРОВ

Серия ●●●●●●●●●●●●●●●●

История – это интересно!

История – это интересно!

Евгений Жаринов

**Пророчества великого
магистра тамплиеров**

«Этерна»

2013

УДК 94(4)
ББК 63.3

Жаринов Е. В.

Пророчества великого магистра тамплиеров / Е. В. Жаринов —
«Этерна», 2013 — (История – это интересно!)

ISBN 978-5-480-00275-1

Тамплиеры – западный рыцарский орден. Они были монахами и воинами, а затем стали финансистами, банкирами и надежно вошли в ряды мирового закулисья. Тамплиеры и масоны. Связаны они между собой или нет? Именно тамплиеры создали мировую банковскую систему. В их сокровищницах хранилась даже корона английского монарха. Были целые государства, например, Португалия, которыми управляли короли-тамплиеры. Почему же Филиппу Красивому удалось разгромить этот орден? Может быть, все было заранее спланировано? И несметные сокровища рыцарей просочились сквозь пальцы короля, как песок. Куда уплыли корабли с сокровищами, заранее перевезенными из Парижа в Порт Ля-Рошель? Говорят, что чуть ли не в Америку, а некоторые считают, что этой страной стала Шотландия – родина масонов, откуда и берет свое начало Просвещение.

УДК 94(4)
ББК 63.3

ISBN 978-5-480-00275-1

© Жаринов Е. В., 2013
© Этерна, 2013

Содержание

I. Пролог	5
II. Въезд в париж	13
III. Бунт	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Жаринов

Пророчества Великого Магистра тамплиеров

І. Пролог

Да! Есть места, есть места на земле, которые влекут к себе, погружая душу в летаргический сон. Кажется, здесь и только здесь Высшие силы напрямую общаются с человеком. В каждой стране есть такие места. В Германии – это гора Хартц, где Гете вместе с Мефистофелем устроил для своего Фауста Вальпургиеву ночь, во Франции – южные провинции Лангедока, место жизни и гибели знаменитых катаров, в Англии – Стоунхендж и озера Шотландии.

Откуда исходит мощь этих мест? Наверное, в подобных уголках земли сама Красота сводит с ума каждого, кто хотя бы на мгновение захотел превратиться из добропорядочного господина в созерцателя, а следовательно, в язычника, боготворящего неожиданно раскинувшегося перед ним леса, поля, реки или озера Шотландии.

Но не о Шотландии пойдет сейчас речь. К этому месту мы еще придем по мере нашего повествования. История начинается во Франции, там, где и родился Великий магистр ордена тамплиеров Жак де Моле, воин, мистик, пророк.

Когда бредешь по кладбищу, то постоянно натыкаешься на даты жизни и смерти тех, кто лежит сейчас под этими плитами. Сколько лиц! Пройдет еще мгновение, и все они исчезнут из памяти: ненужные лики, навсегда растворившиеся в земном чреве. Никогда не появятся им вновь из этой глины, из которой великий Скульптор лепит носы, подбородки, брови, никогда не обрести им прежних знакомых черт.

Другое дело – жизнь пророка. В начале XIV века не писали портретов, и как выглядел де Моле, мы не знаем, но бессмертная тень его в этом не нуждается. Прах к праху, как говорится, а вечное пребывает в вечном. Если сравнить начало XIV и конец XIX века, то это и будет вечность, и ноша сия оказалась по плечу старому, измученному пытками Магистру. А раз так, то рассказ наш следует начать с того, что мы опишем, как сельский священник уже в конце XIX века, оказавшись в одном из упомянутых нами заколдованных мест, что можно было отыскать на юге Франции, занялся раскопками и в суетном любопытстве своем потревожил Тайну.

А началось все так.

Первого июня 1885 года в деревушке Ренне-ле-Шато появился новый, тридцатитрехлетний приходской священник по имени Беранжер Соньер. Был он высокого роста, сутуловат, с черными выющимися волосами и глубоко посаженными карими глазами. Когда Соньер слушал кого-нибудь, то его тонкие, как две ниточки, губы постоянно растягивались в застывшую полуулыбку. Деревушка насчитывала всего двести душ и располагалась непосредственно у Пиреней, недалеко от Каркасона. Настоящая дыра, куда Соньера, несмотря на ум и таланты, которые он выказал еще в духовной семинарии, сослали за дерзкий нрав и непокорность. В представлении местных крестьян все усилия религии сводились к тому, чтобы наполнять небесные сундуки, заставляя прихожан раскошелиться, выкачивать деньги из их карманов. Религия напоминала местным фермерам огромный торговый дом, где кюре являлись приказчиками, хитрыми, пронырливыми, оборотистыми, и обдeldывали дела Господа Бога за счет простых людей. Для молодого человека с амбициями оказаться в такой дали от цивилизации означало лишь верную духовную смерть. У Беранжера была прекрасная перспектива раствориться в этих местах, погибнуть в безвестности, благо виноградники были отменными, а мягкий теплый климат и жирная плодородная земля, которая по весне испускала дурманящий запах трав и в

которой уже в апреле вызревала клубника, располагали к безделью и опасному для молодого пытливого ума благодушию. Спасло Соньера то, что он сам был родом отсюда и к подобным соблазнам привык уже с детства. В этих местах он охотился и рыбачил с младых ногтей и знал все про одурманивающую душу истому. Каждое воскресенье Соньер взял за правило проводить на реке, и каждое воскресенье, посвященное рыбалке, встречал молодой священник на одном и том же месте другого рыболова, аббата из соседнего прихода Анри Буде, маленького, худого, подвижного и вечно небритого старичка. Часто проводили они по полдня, сидя рядом с удочкой в руке, свесив над водой ноги, и скоро между ними возникла тесная дружба.

Бывали дни, когда они совсем не разговаривали. Иногда же беседовали, но чудесно могли понимать друг друга и без слов, так как у них были общие вкусы и близкие переживания.

Весною, по утрам, часов в десять, когда помолодевшее солнце поднимало над рекою легкий пар, уносящийся вместе с водою, и славно припекало спины, Соньер порою говаривал соседу:

– А? Какая теплынь?

На что Буде отвечал:

– И не говорите. Славно душу греет.

И этих двух фраз им было вполне достаточно, чтобы понимать и начать уважать друг друга.

Осенью, к концу дня, когда небо, окровавленное заходящим солнцем, отражало в воде очертания пурпурных облаков, заливало багрянцем всю реку, воспламеняло горизонт, освещало красным светом обоих друзей, придавая их лицам особое выражение, Соньер, глядя на Буде и не узнавая его, говорил:

– Каково, а?

И маленький, небритый кюре, также удивляясь в душе преображению своего друга, лишь кивал головой в знак согласия и еле слышно спрашивал:

– Что с вами, дорогой Соньер?

– А с вами? – отвечал ему тот.

Багрянец и золото в такие дни напоминали колорит старых мастеров. Казалось, еще немного, и в воздухе запахнет олифой, а позлащенные листья издадут характерный шелест настоящего металла алчных алхимиков. Казалось, весь мир сейчас чудесным образом расположился в тигле оккультиста, а осеннее солнце, столь преобразившее все вокруг, – это пламя горелки...

Друзья знали, что земля Каркасона таит в себе опасный соблазн души: где-то по соседству, в районе тех же Пиреней, как раз в это время прошел громкий процесс, в котором высшие церковные власти осудили трех братьев священников. Под влиянием своего родного места, носящего название „Вдохновенный холм“, они впали в ересь и стали совращать с пути истинного вверенную им паству. Братья Байяры учили молиться некой черной Деве, богине древних вестготов, храм которой находился в их родных местах. Беранжер Соньер узнал о злополучных братьях из разговоров со своим другом аббатом. Это он рассказал Соньеру не только о братьях Байярах, но и о многом другом. Анри по праву можно было считать старожилом. За многие годы, проведенные близ Каркасона, старый кюре изучил почти всю историю края. Сидя с удочкой на реке, он часто видел, как отражаются в ее водной глади не только пурпурно-красные осенние облака, но и силуэт башни замка тамплиеров, что возвышался на соседнем холме и в ярких лучах заходящего солнца казался матово-черным.

Вот так и случилось, что старый священник, словно забываясь, в коротких и немногословных беседах во время рыбалок поведал молодому брату по вере о живших когда-то в этих местах катарах, о замке Бланшфор, основанном еще в XII веке и ставшем резиденцией четвер-

того Великого магистра ордена, рассказал и о том, что именно по этой долине проходил когда-то путь паломников, которые шли из Северной Европы через Пиренеи в Испанию, в святой город Сантьяго-де-Компостела. Друзья понимали, что им надо сказать друг другу что-то очень важное. Их переполняло желание поговорить начистоту. Они были священниками, и исповедь считалась частью их профессии, поэтому спелая гроздь желания излить душу во что бы то ни стало, охраняемая еще тонкой кожей приличий и церковных запретов, должна была вот-вот лопнуть под натиском переполнявших их души впечатлений. И вот пробил час!

В тот июньский день 1891 года Буде пригласил к себе Соньера и специально под разными предложениями задержал у себя своего молодого друга.

Все произошло вечером, после неожиданно налетевшей грозы. Перед самым закатом разъяснилось. Лучи сквозь окно проникли в комнату и залили ее своим необычным светом, коснулись двух рюмок, так и оставшихся недопитыми стоять на обеденном столе, и сделали их янтарными. Умолкнувший во время грозы мир за окном вновь наполнился звуками, и воздух стал свежим и прохладным, словно из склепа. За столом тем временем воцарилось неловкое молчание. Следовало либо разойтись, либо продолжить явно затянувшуюся беседу.

– Давайте говорить откровенно, – начал аббат.

– Начистоту, – согласился Соньер и почувствовал, как дрожь нетерпения прошла по всему его телу.

– Вы, наверное, сами уже успели почувствовать, что наши места не совсем похожи на все то, что мы можем встретить повсюду в милой доброй Франции?

– Еще как почувствовал, дорогой Буде.

– Помните, я совсем недавно рассказывал вам о несчастных братьях Байярах.

– Отлично помню. Они молились черной Деве на своем Вдохновенном холме.

– Абсолютно верно. А откуда, по-вашему, исходит представление о Богородице?

– Первой, известной в Европе, была черная кельтская Богородица.

– Вы правы. Когда в молодости святой Бернар молился перед черной Богородицей, то его, в отличие от братьев Байяров, никто не придавал анафеме. Святой молился кельтской богине в церкви Сен-Вуарля, и она выдавила из груди три капли молока, которые скатились на уста будущего основателя ордена тамплиеров. И заметьте, именно Бернара великий Данте помещает в „Божественной комедии“ в раю, в центре Розы. А при этом ересь присутствует в самом основании нашей католической церкви, во всей ее истории, и ересь эта родом из здешних мест.

– Я боюсь за вашу душу, дорогой Буде. Не слишком ли вы увлеклись подобными рассуждениями?

– Кого вы хотите обмануть, дорогой Соньер? Я же чувствую, что эти мысли посещали и вас. Уж больно хорошо мы научились понимать друг друга во время наших речных месс. Сколько мы пропустили при этом служб в церкви, а?

– Да, но вы сами знаете, дорогой Буде, что крестьяне – плохие прихожане. Не служить же, в самом деле, в пустом храме, когда на улице такая благодать?

– Не думаю, что подобные речи пришлись бы по душе епископу.

Тема, затронутая Буде, явно была не из приятных. Каждый из приятелей знал, что, предпочитая рыбалку службе, он нарушает принятые правила, но говорить об этом не очень-то хотелось. После неловкой паузы Буде продолжил:

– Впрочем, я не вижу здесь ничего плохого, дорогой Соньер. Вам никогда не приходило в голову, что это и не рыбалки вовсе, а обряд, который мы совершаем помимо своей воли? Помните легенду о „короле-рыболове“?

– Это что-то связанное с поисками Святого Грааля, да?

– Я так и знал, что вы осведомлены в подобных вопросах и читали „Парсифаля“ Вольфрама фон Эйшенбаха. Может быть, не будем разыгрывать друг перед другом святую инкви-

зицию, а перейдем сразу к делу? – заключил маленький аббат и озорно подмигнул своему собеседнику.

– Что вы имеете в виду, дорогой Буде?

– То же, что и вы, дорогой Соньер. Мы с вами прекрасно осведомлены о том, что это место было резиденцией катаров и тамплиеров.

– Да, вы мне уже поведали об этом на реке.

– Мы посвященные, Соньер, мы сорвали покрывало Изида. Лучше быть зубом, чем травинкой. Вот мой девиз.

Эти слова в устах маленького кюре прозвучали диссонансом всей его внешности, и Соньер не мог удержаться от улыбки. Буде заметил реакцию на свои слова, но нисколько не смутился:

– Я предлагаю свалиться в бездну. Я предлагаю отдаться тому, что давно уже влечет нас к себе. Посмотрите, посмотрите только на эту башню!

На небе к этому времени появилась огромная луна и осветила всю окрестность. В серебряном свете мрачные силуэты замка Бланшфор, казалось, приобрели еще больше таинственности.

– Именно здесь жил один из Магистров. Копните только, и вы обнаружите в этих землях не христианские святыни, а памятники вестготов и бог его знает чего еще.

– Нельзя ли, дорогой Буде, поподробнее рассказать мне об этих тамплиерах? – примитивным тоном произнес Соньер, не в силах оторвать глаз от таинственного силуэта башни, что возвышалась на соседнем холме.

– Охотно. Начало истории известно абсолютно всем. Существовал Первый крестовый поход. Балдуин стал первым королем Иерусалима. И вот, в 1118 году сюда прибывают девять человек под предводительством некоего Хуго де Паэна и формируют ядро нового ордена Нищих рыцарей Христа; орден монашеский, но с мечом и в доспехах. Им присущи три основные монашеские заповеди: нестяжательство, целомудрие и послушание, к которым добавилась защита паломников.

– Но кто такой этот Хуго де Паэн? – вмешался Соньер.

– Своевременный вопрос, мой друг. Можно сказать, что Хуго был из здешних мест.

– Неужели?

– Да, он родом из Шампани. После возвращения из Иерусалима крестоносец вступает в контакт с аббатом Сито и помогает ему в монастыре начать чтение и перевод некоторых древнееврейских текстов. Подумать только, раввины из Верхней Бургонии были приглашены в Сито к белым монахам-бенедиктинцам, и кем? Самим святым Бернаром, чтобы изучать тексты, которые Хуго нашел в Палестине. Видите, как все переплетено в нашей истории. В ней нет четких границ. Впрочем, это же самое мы наблюдаем и в природе. Сидишь с удочкой, ловишь рыбку в свое удовольствие, а на самом деле в сердце своем предаешь мать нашу, Римско-католическую церковь.

– Вы же сами сказали, что тамплиеры были монашеским орденом. Бернар и покровительствовал им. Ведь они отправились воевать Гроб Господень.

– Верно, только монахи эти вели себя довольно странно. Известно, что когда посланник дамасского эмира посетил Иерусалим, тамплиеры предоставили ему для молитв небольшую мусульманскую мечеть, переделанную в христианскую церковь. Однажды туда вошел какой-то франк. Возмущенный присутствием в святом месте мусульманина, он принялся оскорблять его. Однако тамплиеры прогнали брата по вере, проявившего подобную нетерпимость, и принесли свои извинения мусульманину. Такая лояльность по отношению к врагу в конечном итоге сослужила им плохую службу, поскольку в дальнейшем их, кроме всего прочего, обвиняли в связях с тайными сектами мусульман.

– Наверное, в этом есть своя правда. Тамплиеры не имели возможности получить основательное монастырское воспитание, – решил высказать свою догадку Соньер.

– Абсолютно верно. Я рад, что вы понимаете меня. Разум тамплиеров, воинов-монахов, не мог уловить некоторых теологических тонкостей Лоуренса Аравийского, и вскоре рыцари даже стали надевать на себя легкую шелковую одежду шейхов. Однако проследить за их деятельностью в этот период представляется довольно трудным делом, поскольку христианские историографы, такие как Гийом де Тир, не упускали ни единой возможности, чтобы очернить их. Ясно одно, тамплиеры в своих поисках истины отклонились от догм и вступили на весьма опасную почву мистицизма. Возьмем, к примеру, все ту же черную Богородицу. Великий Фулканелли решил по-особому прочесть иконы в соборах, принадлежащих ордену, и пришел к удивительному заключению: для него стала совершенно очевидной связь между кельтской Богородицей и алхимическими изысканиями. Черная Богородица символизирует собой начало, над поисками которого трудились те, кто искал философский камень...

После разговора с Буде Соньер решил сам посмотреть на знаменитую черную Богородицу, о которой так много говорил аббат. Дождавшись подходящего момента, он сел в поезд и отправился к Вдохновенному холму. Отсутствовал Соньер около месяца. По возвращении домой он сильно изменился: помрачнел и перестал даже ходить на рыбалку, зато его часто видели в лесу и в других глухих местах Ренне-ле-Шато. Крестьяне рассказывали, что их кюре мог подолгу стоять у какого-то камня, на котором еще была заметна полустершаяся надпись. Священник завел знакомства со стариками-фермерами и полюбил расспрашивать их о далеком прошлом. Соньер стал носить с собой книжку, чтобы записывать туда услышанные предания. Он по-прежнему навещал своего друга аббата. Друзья читали старые полуистлевшие манускрипты и о чем-то жарко спорили.

Но чем бы ни занимался Соньер, как далеко ни уходил от своего дома в поисках неведомого, он почти всюду мог видеть колокольню своей церкви Марии Магдалины. И в самом деле: каждая часть приходского храма, открывавшаяся наблюдательному взору, отличалась от всякой другой постройки Ренне-ле-Шато, включая и величественный замок Бланшфор. Глядя на колокольню, Соньер и Буде в былые времена, сидя с удочками на берегу в час заката, мысленно сливались со шпилем и в блаженстве улыбались старым потрескавшимся камням. Они знали, что в следующий раз их ждет чудо. И чудо неизменно свершалось, но уже во время другой рыбалки, когда клев приходился на утреннюю зорьку. Этого мига рыбаки ждали с нетерпением и заранее занимали места на берегу реки, как в партере театра, не обращая внимания даже на мокрую от утренней росы траву. Казалось, что два приятеля лишь делают вид, будто удят рыбу, а на самом деле пытаются обмануть неведомое божество своим напускным равнодушием. В такие минуты они не обращали внимания на поплавки, и караси, щуки, налимы могли спокойно закусывать их жирными червями, выделяющими умиротворяющие фигуры в воде, напоминая своими движениями нестройные и очень нервные звуки оркестра перед тем, как дирижер взмахнет палочкой. Итак, они не ловили рыбу, а сидели и ждали. Ждали, когда солнце начнет золотить самый шпиль колокольни. И это было подобно первой робкой ноте. Она еще не предвещала ничего необычного, словно смычком тронули струну старой виолы – и больше ничего. Но червь замирал на крючке, рыба застыла в воде с открытым жадным ртом, и начиналось представление. Уже этого звука было достаточно для опытного музыканта. Он был подобен первому жесту творения, тяжелому вздоху Бога, размышляющему о том, что должно вот-вот появиться на свет. Поначалу солнце освещало лишь самую верхнюю часть колокольни, но вот древние тяжелые камни постепенно начинали вступать в солнечную зону, и казалось, что смычок Мастера уже не робко, а уверенно, со знанием дела касался струн старой виолы, и, сделавшись легче света, камни колокольни мгновенно теряли всю свою тяжесть и взлетали – и

в следующий миг были уже высоко-высоко, словно голос, запевший фальцетом и неожиданно взявший целой октавой выше.

Вряд ли Соньер мог объяснить даже самому себе, почему он решил заняться реконструкцией старого храма, заложенного еще вестготами в VI веке. Скорее всего, церковь сама потребовала от священника чего-то подобного, решив приоткрыть людям Тайну, которая заставляла ее петь при каждом восходе солнца. Как бы там ни было, но работы начались.

Они начались еще в 1891 году, но лишь 3 марта 1892 года в три часа пополудни Тайна дала знать о себе. К этому времени Соньеру удалось подпереть крышу ветхого храма, что позволило сдвинуть алтарную плиту, покоившуюся на двух балках. Тут кюре и заметил, что одна из балок была слишком уж легкой. Она оказалась полой внутри. Священник через небольшое отверстие просунул туда руку и извлек четыре опечатанных деревянных цилиндра. В таких футлярах обычно хранили пергаментные свитки. Убедившись, что за ним никто не следит, Соньер спрятал находку в складках одежды и устремил стопы свои к дому. Оказавшись у себя, священник наложил на дверь тяжелый засов, закрыл ставни, затем зажег свечу и дрожащими руками взломал первую печать.

Уже с утра аббат Анри Буде чувствовал себя не в своей тарелке. В тот момент, когда Соньер начал вскрывать первую печать, Анри совершал свой обычный моцион перед обедом, и вдруг острая боль пронзила грудь. Буде почувствовал себя вздернутым на дыбе, при этом создавалось такое ощущение, будто на лицо ему набросили влажную тряпку. Аббат в бессилии прислонился к дереву.

Соньер не знал, что происходит с его другом в данный момент, и продолжал трудиться над сургучом.

Буде все-таки удалось доползти до дому. На пороге его встретила экономка и, увидев побледневшего кюре, начала суетиться. Она помогла аббату подняться на второй этаж и уложила его в постель.

– Не хотите ли вы чего-нибудь? Быть может, вам дать бульону?

– Бульон? О нет!

– Тогда, может быть, налить вам вашего лекарства?

– Нет, я боюсь лекарств. Принесите лучше подушку с хмелем и пошлите за доктором.

Экономка вернулась через минуту с подушкой, набитой хмелем, и положила ее под голову Буде. Затем она пошла за доктором.

Первые два свитка не представляли собой ничего особенного. Это оказался генеалогический список семьи Бланшфоров, который начинался с 1244 года. Соньер занялся следующим футляром.

А к старому Буде в это время пришел доктор. При виде врача аббат закашлялся, и на платке выступила кровь. Доктор покачал головой и принялся осматривать больного. Носу Буде заострился, под глазами показались тени, а лоб покрылся мельчайшим потом.

Наконец Соньер взломал еще одну печать. Этот пергамент был написан на латыни и начинался с какой-то цитаты из Нового Завета. Но вдруг правильный текст прервался, и строки стали налезать одна на другую, слова были написаны без разрядки. Эти каракули заканчивались арабскими цифрами.

После осмотра больного врач вышел вместе с экономкой в коридор.

– Он очень плох, – сказал вполголоса лекарь, кивая на дверь спальни. – Моя помощь здесь не понадобится. Лучше бегите за священником.

Экономка никак не ожидала такого заключения. Она даже вскрикнула, но тут же зажала рот руками. Старая женщина была очень предана своему кюре. Она проводила доктора до двери, а затем решила вернуться к умирающему.

Соньер вскрыл последний из найденных футляров и развернул пергамент. Он также был составлен на латыни. При этом некоторые из букв специально были выведены выше основной строки. На них-то Соньер и обратил внимание. Постепенно буквы сложились в следующую фразу: „Это сокровище принадлежит Дагоберу II и Сиону, и там оно погребено“.

„Черт побери этих лекарей, – ругалась про себя экономка. – Только и могут, что выносить смертный приговор. А человек просто устал. Отлежится и вновь завтра на ногах будет“.

– Кто там? Дайте свету побольше! Это вы, госпожа Лоране?

– Я, господин аббат. Сейчас принесу большой подсвечник.

Буде видел, как в трясущихся руках служанки начали загораться свечи.

– Поставьте здесь и идите, – приказал умирающий.

Вдохновленный успехом, Соньер вновь решил вернуться к предыдущему пергаменту. Написанная на латыни абакадабра напоминала шифр. Поначалу следовало разбить текст на слова и переписать их в соответствии с правилами орфографии. Но и эта процедура не принесла успеха. Тогда Соньер обратился к цифрам и стал подсчитывать частотность определенных букв. Числа соответствовали тем, что в определенном порядке были вынесены в самый конец. Аббат распределил выделенные буквы так, как это было указано в ключе. В результате получилось следующее: „„Пастухи“ и ни каких „Соблазнов“, чьи Пуссен и Тенирс держат ключи. Мир DCLXXXI (681), крестом и конем божьим, Я завершаю или заклинаю этого демона, хранителя полдня. Голубые яблоки“. Соньер смог наконец оторваться от работы и посмотреть на часы. Была уже глубокая ночь, и тревожить Буде в такой час не имело смысла: пускай старик спокойно поспит до утра... За окном поднялся сильный ветер, и вновь, как всегда в таких случаях, закрипел старый дуб во дворе. Забыв даже помолиться, Соньер как убитый свалился в постель, решив отложить все до лучших времен.

Буде вздрогнул, и кровь хлынула у него из горла, заливая белье. В первый момент он испугался, но тотчас же почувствовал чрезвычайное облегчение: „Вот хорошо...“ Он успел подумать с любопытством: „А как выглядит моя смерть. Смерть священника. Ведь у каждого она разная?“ – и увидел ее немедленно. Она вбежала в комнату, в монашеском головном уборе, и сразу размашисто перекрестила Буде. Он с величайшим любопытством хотел ее рассмотреть получше, но ничего уже не видел более, только мелькнула напоследок ослепительно-яркая полоса реки, словно в жаркий летний полдень, да затрещали кузнечики в траве, а затем все стало светлым-светлым.

Разбудил Беранжера Соньера оглушительный грохот. Но прежде чем воспринять этот грохот как простой стук в дверь, производимый слабой женской рукой, Соньеру следовало совершить немалое усилие над собой и вырваться из объятий утреннего кошмара, как вырывается на поверхность воды пловец, решившийся нырнуть как можно глубже за причудливой раковиной, показавшейся на самом дне человеческого „я“. Привиделось священнику, будто старый Буде лезет по высокой лестнице на крышу собственного дома, а лестница тем временем все вытягивается и вытягивается, становится все выше и выше, как лестница Иакова. И вот плеч старого друга уже коснулось легкое облако, и луч солнца позолотил его голову. Затем взор Соньера вновь спустился к земле, и он увидел у самого основания лестницы фигуру рыцаря с

длинной бородой и с такими же длинными прядями седых волос. На рыцаре поверх кольчуги была грубая холщовая накидка белого цвета с вышитым на груди и спине красным крестом. Неожиданно рыцарь повернулся к Соньеру, освободил одну руку и сделал соответствующий жест, приглашавший священника последовать за его другом на небо. Беранжер почувствовал, как ужас сковал все его тело. В одно мгновение небо помрачнело, синие молнии заходили среди туч, подул ветер, который перешел в самый настоящий шквал, сверху раздался крик падающего Буде, а лицо Магистра исказилось гневом, и с каждым новым раскатом грома оно становилось все ужаснее и ужаснее. Гром тем временем нарастал... И тут Соньер почувствовал облегчение. Он вдруг понял, что хозяин сцены не Магистр, а он, Беранжер Соньер, и что в любую минуту в его власти прекратить всю эту фантазмагорию. Дело в том, что в грозных раскатах грома Беранжер, обладая тонким музыкальным слухом, уловил легкую фальшь: в потустороннем грохоте ударных в оркестре угадывался звук неожиданно захлопывающейся от резкого дуновения ветра двери. В интонациях мертвого звука вдруг слышались оттенки звука живого и вполне реального. Соньер вздохнул с облегчением и наконец-то смог, хотя и с трудом, разлепить тяжелые веки, будто кем-то смазанные накануне медом. Раскрыв широко глаза, он понял, что громовые раскаты – это настойчивый, хотя и не очень громкий, стук в дверь. Накинув халат, священник спустился вниз. На пороге его встретила какая-то женщина. Мартовский день еще только появлялся на свет сквозь густую пелену холодного тумана. Соньер никак не мог понять, в чем дело и почему эта женщина, словно посланец с того света, вся, будто саваном, окутанная пеленой тумана, сейчас стояла на пороге его дома. С трудом он начал вслушиваться в то, что она говорит, и сквозь всхлипывания наконец разобрал смысл: ночью его друг аббат Анри Буде отдал душу Богу.

Халат от неожиданности распахнулся, и женщина увидела несвежее белье молодого служителя церкви. Вновь потеряв всякое ощущение реальности, Соньер принялся снова из угла в угол, бормоча при этом бессвязные слова, а бедная женщина, выполнившая прискорбную миссию вестника из трагедии эпохи классицизма, от смущения, горя и недоумения буквально застыла на пороге дома, готовая вот-вот, как супруга Лота, превратиться в соляной столб.

Итак, священник ходил из угла в угол, а экономка покойного стояла и смотрела на этот живой маятник, боясь произнести хоть слово.

С этого момента призрак аббата Буде стал частым гостем в доме Беранжера Соньера.

Прошло еще несколько месяцев, и Беранжер Соньер, чувствуя, что сходит с ума, отправился на исповедь к епископу города Каркасона, захватив с собой найденные в церкви Марии Магдалины пергаменты.

II. Въезд в париж

Тайна, на которую случайно наткнулся Беранжер Соньер и которая чуть не стоила ему рассудка, своими корнями уходила в далекое прошлое. Чтобы хоть как-то приблизиться к ней, мы должны из века XIX, где застигли нас все вышеупомянутые события, перенестись в век XIV, дабы понять, что удалось раскопать бедному каркасонскому священнику, чей дом стал посещать призрак внезапно скончавшегося друга.

Когда мир был на шесть веков моложе, то обитатели Земли образца XIV века вполне могли сойти за инопланетян. Жизнь человека в ту эпоху была настолько призрачна и мимолетна, что даже не заслуживала серьезного внимания, и поэтому городское кладбище было и местом свиданий, и местом развлечений, и местом деловых встреч. Никого при этом не смущал смрадный запах, исходящий из открытых братских могил. Проститутки искали здесь богатых клиентов и находили их, влюбленные целовались и объяснялись в любви. Могилы не зарывали потому, что невыгодно было. Трупы привозили сюда почти без перерыва. Места не хватало, и поэтому приходилось отрывать уже старые захоронения, сваливая груды костей в кучу. И подобное зрелище никого не смущало. *Memento mori* – помни о смерти! Вот девиз эпохи. Находились святые, которые добровольно замуровывали себя в маленьких кельях на кладбище, оставляя лишь небольшое отверстие для воздуха и жалких подачек, дабы подольше продлить собственные страдания. Сам король назначил что-то вроде жалованья для двух отшельниц, поселившихся таким образом на кладбище Невинно убиенных младенцев в Париже.

Зато человек в ту эпоху не знал, что такое одиночество. Начиная с рождения и до самой смерти он был включен в жизнь общины и принадлежал либо к цеху ремесленников, либо к купеческой гильдии, либо к рыцарскому ордену, либо к монашескому братству. Никогда человек не чувствовал себя одиноким, и не было у него возможности хоть чуть-чуть побыть одному. Даже в спальне нельзя было укрыться от любопытных глаз. Богатые и благородные супруги предпочитали проводить ночи в компании со своими слугами, детьми и собаками, которых любили не меньше, чем детей. Вечерний лай или вой собак средневековый человек истолковывал с невероятным искусством, пытаясь предугадать в этих звуках свою судьбу. Как мы видели, даже на кладбище мертвых активно включали в жизнь живых. И смерть не давала уединения. А если покойник был грешен, то его вполне могли достать из могилы и наказать как живого. Так, голова мэтра Одара де Бюсси по особому повелению Людовика XI была извлечена из могилы и выставлена на рыночной площади Эдена, покрытая алым капюшоном, отороченным мехом. Мир загробный и мир реальный существовали бок о бок и не имели границ. Когда Франциск Ассизский появился в папском дворце, дабы передать устав своего монашеского ордена, то понтифик к этому часу уже успел скончаться. Вручать бумаги было некому. Но святой приказал вложить пергамент в руку покойного, произнеся при этом: “Разве, скончавшись, он разучился читать?” Можно сказать, что уединение в описываемую эпоху было знакомо лишь отшельникам. Но отшельниками становились немногие, хотя среди них могли быть не только бедные монахи, но и кающиеся короли, и рыцари, и даже купцы.

Та или иная корпорация, цех, братство или орден несли полную ответственность за каждого своего члена. Его грех становился общим грехом, его святость – общей святостью, а при внезапной смерти именно община брала на себя ответственность за жизнь вдовы и ребенка. Великий Данте до конца дней своих так и остался членом цеха аптекарей славного города Флоренции и, говорят, очень гордился этим званием.

Это чувство единения подкреплялось еще и общим религиозным чувством. Всех объединяло одно – жизнь Христа. Его жизнь и становилась тем образцом, тем эталоном, которому следовало подражать в каждом, даже самом малом проявлении повседневности. Так, Генрих Сузо за трапезой, когда он ел яблоко, обыкновенно разрезал его на четыре дольки. Три он съе-

дал во имя Св. Троицы, четвертую же посвящал “дитятке Иисусу” и посему оставлял эту дольку с кожурой, “ибо малые дети едят яблоки неочищенными”. В течение нескольких дней после Рождества четвертую дольку и вовсе оставляли в покое, так как младенец Иисус в это время был еще совсем мал, чтобы есть яблоки. В этот период четвертая, неочищенная долька оставалась нетронутой за каждой трапезой и посвящалась Деве Марии, “дабы через мать яблоко досталось сыну”. Но это еще не все. Любое питье Генрих Сузо старался выпить в пять глотков, по числу ран на теле Господа нашего. И всегда следовало сделать в конце двойной глоток и почтить тем самым рану в боку Иисуса, откуда истекала и кровь, и вода.

Жизнь была проникнута религией до такой степени, что возникала постоянная угроза исчезновения расстояния между земным и духовным, между Богом и дьяволом. Например, церковь издавна поощряла почитание телесных останков святых, и монахи монастыря Фоссануовы, где умер Фома Аквинский, из страха, что от них может ускользнуть бесценная реликвия, обезглавили, выварили, препарировали тело своего покойного учителя, дабы ни один кусочек святой плоти не ушел на сторону. До того как тело скончавшейся Елизаветы Тюрингской было предано земле, толпа ее почитателей не только оторвала и отрезала частички плата, которым было покрыто ее лицо; у нее отрезали волосы, ногти и даже кусочки ушей и соски. По случаю торжественного праздника Карл VI раздал ребра своего предка, св. Людовика, высокопоставленным гостям и двум своим дядьям, герцогу Беррийскому и Бургундскому. Несколько прелатов получили ногу. После пиршества они принялись к разделу конечности почитаемого святого. В повышенной религиозности в ее абсолютном доминировании даже в обыденной жизни словно скрывалось тайное богохульство. Уже в XIV веке в ходу были распространены статуэтки Девы Марии, которые представляли собой вариант старинного голландского сосуда. Это была маленькая золотая фигурка, богато украшенная драгоценными камнями, с распахивающимся чревом, внутри которого можно было видеть изображение Троицы.

Слова, которые благодаря авторитету блаженного Августина и Фомы Аквинского звучали непререкаемо: “Все, зримо свершающееся в этом мире, может быть учиняемо бесами”, приводили христианина, исполненного доброй воли и благочестия, в состояние величайшей неуверенности. Повсюду вспыхивали эпидемии ведовства. Многие короли располагали собственными чернокнижниками и чародеями. Почти все они, чтобы навести порчу, лепили восковые фигурки и протыкали их иглами. Это был распространенный вариант политической борьбы.

Один из инквизиторов утверждал, что каждый третий христианин запятнал себя ересью. По его мнению, каждый обвиненный в сношении с дьяволом действительно должен был быть виновен. Ибо Господь не мог допустить, чтобы кто-то в подобном деле мог быть невинно осужден. Инквизитор этот был убежден, что по одному виду человека он в состоянии определить, замешан тот или нет в колдовских действиях.

Начало XIV века было ознаменовано тем, что зимой 1306 года неожиданно замерзло Балтийское море. Эта аномалия повторилась в следующем, 1307 году, и холодный полярный воздух дохнул на всю Европу. В теплых морях начались небывалые бури, топившие целые флотилии, а Каспийское море вышло из берегов, унося с собой тысячи жизней.

В 1315 году дожди были такими сильными, что, казалось, “разверзлись хляби небесные и окна небесные отворились”. Всеобщее похолодание и дожди привели к сокращению посевов, голод, бледный всадник Апокалипсиса, появился на горизонте. В монастырских летописях мы находим рассказы о людях, пожиравших собственных детей; были несчастные, которые устраивали себе трапезу из тел повешенных, чьи трупы болтались в петле без присмотра.

У современников этих событий было одно объяснение – кара Господня за грехи человеческие. По общему мнению, конец света неумолимо приближался. Откуда им было знать, людям уходящего Средневековья, что начало XIV века совпало с так называемым коротким ледниковым периодом, длившимся вплоть до 1700 года. И что могли дать им эти знания? Земная ось неожиданно сдвинулась и потревожила людской муравейник. У Самсона кончилось

терпение, и он слегка коснулся колонны храма надменных филистимлян, напомнив всем, что Бог жив еще.

Следует отметить, что перед тем, как сдвинулась ось земная, накануне всех описанных нами катастроф, произошло еще одно очень важное, но, к сожалению, не отмеченное большой историей событие. После долгого и утомительного пути, подобного страстям Господним, подобного поискам Святого Грааля, пути, свершенному из Святой земли во Францию, в течение которого на каждом шагу подстерегали путников опасность и лишения, Великий магистр ордена тамплиеров летним утром 1306 года достиг наконец Лиль-де-Франс, увидел милые сердцу равнины и замер в восхищении.

Как мог выглядеть стареющий рыцарь?

Святой Бернар, один из основателей ордена, писал: “Борода их всегда растрепана, моются они редко, и следы пыли перемешиваются на них со следами жары и кольчуги”. В то время люди монашеского звания культивировали здоровую грязь, дабы унижить собственное тело. Святой Макарий, например, жил на столбе, и когда с его тела падали черви, он подбирал их и навешивал обратно, говоря при этом, что сии создания Божии тоже имеют право на радость жизни. Солнце Палестины наверняка сделало кожу Магистра пергаментно-смуглой, покрыло морщинами. Он должен был постоянно жмуриться, чтобы спасти свое и без того уже ослабленное палящим зноем зрение. Его тело должно было покрыться коростой от грязи и несмываемого годами пота. Его плеч и груди должна была касаться рубаха. Там, в Палестине, рыцари узнали от арабов о шелке, и он стал их настоящим спасением. Европейские рыцари продолжали уродовать свое тело грубой холщовой материей. Но на шелковую рубаху все равно, несмотря на пятидесятиградусную жару, следовало надеть гобиссон, сшитый из тафты или кожи, набитый шерстью, паклей и волосом, чтобы ослабить удар, чтобы защитить тело от железных колец брони, которые могли войти в плоть и причинить ей страдание не меньшее, чем от вражеского удара. Нести такую броню на себе, несмотря на убийственный зной, уже было подвигом, свершаемым во имя Господне. Это были их вериги, форма их каждодневного покаяния и монашеского служения Господу. Но из всего этого железа, я думаю, смотрело на мир в тот знаменательный летний день 1306 года лицо Человека. Лицо страдальца, мудреца и воина, а пот, о котором говорил святой Бернар, придавал бронзовый отлив всей его благородной внешности.

Что же могло предстать пред взором рыцаря?

Земля. Милая сердцу земля. Увитая виноградной лозой, буйно и цепко растущей даже на склонах холмов, она жадно ждала восхода солнца и дышала. Дышала не остывшим за ночь теплом. Но это тепло не обжигало, как солнце Святой земли. Магистр впервые смог открыть широко глаза и увидеть восход во всем его блеске и величии. Пред ним предстало начало начал.

“Какое совпадение! Какое совпадение!” – медленно, словно сквозь сон, проговорил магистр, чувствуя, что на него неумолимо надвигается особое душевное состояние внутренней самопогруженности. Еще задолго до европейской моды на все восточное тамплиеры благодаря своим тесным контактам с арабами и другими народами Палестины уже вполне овладели техникой медитации. Сочетание кроваво-красного, золотого и небесно-голубого цветов означало страдание и жертвоприношение. Именно эти цвета доминировали во время церковной службы на Страстную пятницу, когда Господа нашего сначала бичевали, заставляли нести крест на Голгофу, а затем распинали. Каждая церковная служба в этот день словно вновь и вновь повторяла все детали страстей Господних, обращаясь с этой целью к трем завораживающим душу цветам: красному, синему и золотому.

Магистр Жак де Моле застыл, сидя на своем арабском скакуне, на самой вершине холма. Он находился в состоянии транса, пытаясь распознать в неожиданно открывшихся ему символах то, что неизбежно ждало его в будущем. Магистр уже не замечал, как мерцала внизу серебристая гладь рек и озер, как мирно паслись стада овец и пастыри, вооруженные пращой, этим оружием царя Давида, ходили вслед за паствой своей, зорко поглядывая по сторонам – нет ли

где волка. Он не видел буйного разноцветья трав: от иссиня-зеленой, как цвет морской волны, до бледно-фиолетовой. Он не слышал аромата плодов, обильно зреющих под этим добрым солнцем и только ждущих своего часа быть сорванными, дабы усладить вкус того, кто окажет им такую милость. Внутренний мир Магистра был сейчас недоступен для внешних впечатлений. Ни вкуса, ни цвета, ни запаха, доносившегося с полей, которые разлеглись под копытами его скакуна, не было сейчас там, где блуждала вещая душа Магистра. Кроваво-красный, золотой и небесно-синий – эти цвета освещали ему дорогу в темных лабиринтах неведомого, увлекающая все глубже и глубже. Еще немного, и перед внутренним взором должны будут предстать человеческие фигуры, которые, как в театре теней, разыграют перед Магистром аллгорию под названием “Будущее”. Еще немного, и вспыхнет в кроваво-красных отблесках сцена, поднимется занавес, и начнется представление.

Глаза Магистра закрылись, внешний мир окончательно погас для него, но представление было неожиданно сорвано. Кто-то, кто находился совсем рядом, вздохнул с таким облегчением и с такой радостью, что звук этот невольно рассеял мрачные видения и вернул де Моле из небытия к реальной жизни.

Магистр пришел в себя, открыл глаза и повернул голову туда, откуда донесся столь радостный вздох.

Молодой брат Тибо подъехал вплотную и, в восхищении от увиденного, позволил себе явную бестактность. Это восхищение было столь естественным, в нем выразилась такая непосредственность молодости, что Магистр не ощутил в себе ни малейшего недовольства, ни тени озлобленности. Будущее подождет, если настоящее способно в такой мере покорить чье-то сердце. Будущее подождет...

Де Моле испытывал к молодому брату Тибо особые чувства... И эти чувства не всегда отличались только отцовской привязанностью. Жизнь воина, да еще воина-монаха, вынужденного вести образ жизни, исключающий всякое женское присутствие, становилась непосильным бременем даже для рыцаря, закованного в броню и одетого в тяжелую одежду, набитую конским волосом.

Носить на себе тяжелые вериги было одно, а восхищаться красотой молодости – совсем другое. Здесь даже самые крепкие латы, самый лучший щит оказывались бессильными. И тамплиеры сдавались, сдавались целыми гарнизонами: в Иерусалиме, в Триполи, в Антиохе, в Провансе и в других местах они бросались в объятия друг другу, испытывая при этом не совсем братские чувства.

– Посмотри, дорогой Тибо, – произнес Магистр с улыбкой. – Это наша земля, которую мы все вынуждены были покинуть и куда мы все вернемся или уже вернулись, дабы остаться здесь навечно.

– Какое небо, какие цвета! Наверное, так выглядит рай небесный, – прошептал юноша, и на губах молодого брата заиграла соблазнительная улыбка.

– С одним лишь различием, дорогой мой брат, что этот рай нам следует завоевать сегодня.

– Я не совсем понял вас, Магистр. Разве Париж не является нашей собственностью?

– Нет. Король живет еще в Лувре, а Лувр долго не будет принадлежать ордену. Однако подобные разговоры при виде Лиль-де-Франс довольно опасны. Лучше сообщите братьям, что мы, перед тем как спуститься в долину, сделаем небольшой привал.

По команде братья спешили. При этом каждый знал, что делать в следующий момент. В ордене был точно установлен порядок дня в отношении молитв, посещения церкви, трапез и т. д., а также точной регламентации были подвергнуты известные военные обычаи в походе, на поле битвы, поэтому в очень короткое время на вершине холма появился боевой лагерь с шатром Магистра в центре, и по периметру была выставлена охрана.

Жак де Моле в критическую минуту решил обратиться к мнению своего совета. Выбранный Великим Магистром без каких бы то ни было возражений со стороны братьев, де Моле

принадлежал ордену всем существом своим. Будучи выходцем из бедной бургундской семьи, де Моле мог рассчитывать лишь на себя. В противном случае ему оставалось повторить судьбу многих и многих благородных людей Франции, без следа исчезнувших в ее виноградниках. Быть благородным в ту эпоху означало иметь благородных родителей, дедов и прадедов – и так до первого всадника, который появился в роду в незапамятные времена и который уже давно превратился в легенду.

К XIV веку общее число благородной части населения Франции превышало чуть больше одного процента. Самыми богатыми из них считались те, кто получал от своих владений доход, равный 10 000 ливров в год. Это были крупные сюзерены. Следующими шли рыцари, у которых было по одному или два вассала и их доход составлял всего 500 ливров в год. Внизу этой пирамиды находились бедные воины, у которых не было ничего, кроме благородного происхождения, дома и куска земли. Их доход составлял всего 25 ливров в год. Эти несчастные вполне могли стать прототипами будущего Дон Кихота Ламанчского на его тощем Росинанте. Им оставалось рассчитывать лишь на свой меч и на то, что их военное искусство могло понадобиться властительному сюзерену, который решил отправиться в Святую землю. Там, в далекой Палестине, карьера бедного воина могла претерпеть самые неожиданные взлеты. А здесь, в милой Франции, его ждали лишь унижение и нищенское существование, если он был благороден не только по своему происхождению, но и в душе. В случае же, когда благородство было зафиксировано лишь на пергаменте, подобные рыцари, дабы не умереть с голоду, занимались виноделием, содержали трактиры, торговали, собирали налоги и прочее. И без этого немногочисленное сословие растворялось без следа среди людей низкого звания и уже не помышляло ни о каких высоких целях, кроме как заботы о хлебе насущном.

Еще в 1294 году до Магистра каким-то чудом через казначея ордена дошла копия завещания, которое оставил по себе его друг детства Гийо. Это с ним, с Гийо, юный Жак мечтал о будущей жизни воина, с ним обсуждал возможное путешествие в далекую Палестину и грезил о Святой земле, смотря на зеленые виноградники соседних холмов родной Бургундии.

Так вот, Гийо не захотел покидать Франции и поэтому после своей смерти оставил после себя лишь две постели, три одеяла, меховую накидку, два небольших ковра, один стол, три скамейки, пять сундуков, две курицы, немного окорока и пять пустых бочек в погребе, а также рыцарский шлем и копье. Семейного меча при описи не обнаружилось.

Магистр вспомнил, с какой душевной болью прочитал он тогда этот убогий список. Он вспомнил, что оплакал своего друга детства, оплакал его потерянную для ордена жизнь и в соответствии с таинством совершил как мессу в христианском храме, так и молитву богу зла Багомету, чье металлическое изваяние, украшенное золотом и серебром и напоминающее не то череп мертвеца, не то лицо старца с большой бородой, он специально достал из футляра, а затем аккуратно положил реликвию назад и заботливо закрыл потаенный шкаф на ключ.

Душе бедного Гийо должна была быть приятна такая забота, где бы эта душа ни обитала после смерти: в мире Света или в мире Тьмы. Завещание несчастного Гийо дошло до Магистра потому, что сын умершего друга решил не повторять ошибки отца и сдал бургундским тамплиерам под расписку все оставшееся имущество. Чтобы не тащить весь этот скарб с собой в Палестину, юный воин взял лишь самое необходимое, получил расписку и отправился налегке в поисках удачи. Подобные расписки были одной из статей дохода ордена. Это был прообраз будущей банковской системы Западной Европы. Великий прецептор Иерусалима считался казначеистом и отвечал за состояние всех ценных бумаг: завещаний, расписок, индульгенций и прочих.

Вообще, община рыцарей имела строго иерархическое устройство. Во главе стоял Магистр, избираемый по большинству голосов особым комитетом из членов капитула и утверждаемый последним. Хотя во всех важнейших вопросах требовалось согласие капитула, решавшего дела большинством голосов, и Магистр был обязан повиноваться ему, он все же

обладал широкими полномочиями, как, например, правом назначения высших должностных лиц. Его ближайшую свиту составляли каплан, искусный писец-клирик, два служащих брата, один арабский писец, рыцарь, исполняющий обязанность ординарца, кузнец, повар и, наконец, два конюха, на обязанности которых лежал уход за боевым конем. Далее при Магистре в качестве адъютантов состояли два рыцаря из благородных родов, которые составляли его ближайший совет.

В случае отсутствия Магистра его замещал сенешаль. Ему прислуживали два оруженосца, брат из низших членов ордена, каплан, писец и двое пеших слуг.

Маршал был военным министром и полководцем ордена. Рыцари и служащие братья в военное время состояли у него под началом. Как уже говорилось выше, великий прецептор Иерусалима отвечал за всю финансовую систему ордена. Он вел строжайший учет и был, пожалуй, первым в истории банкиром. В этой роли прецептор также размещал братий по различным орденским убежищам и надзирал за всеми поселениями, имениями и фермами, принадлежавшими ордену. Под его началом находились и принадлежавшие храмовникам суда. Он же распоряжался и военной добычей. Ни одна статья дохода, ни одна монета, ни одно драгоценное ожерелье не оставались не зарегистрированными в особых книгах. Так, Альфонс Арагонский подарил храмовникам целую провинцию и оговорил в своем завещании, что в случае, если он умрет бездетным, все королевство перейдет в собственность тамплиеров. Рыцари не приняли это завещание на веру и потребовали составления договора, по которому получили полдюжины испанских крепостей и богатейшие земли. Король Португалии отдал храмовникам в дар огромный лес, где обитали еще мавры. Тамплиеры изгнали мусульман из своих владений и основали провинцию Коимбру, что тоже получило законное письменное подтверждение. Впоследствии храмовникам удалось убедить Папу Иннокентия III предоставить им исключительные привилегии: ордену оставалась вся без исключения военная добыча, он не подчинялся ни королю, ни епископу, ни иерусалимскому патриарху, а лишь одному Папе. Тамплиеры были освобождены от уплаты десятины, но сами имели право производить этот сбор на подвластных им территориях.

В 1261 году в парижский орденский храм сроком на десять лет была помещена английская корона, так как король, чувствуя недовольство своих баронов по отношению к собственной персоне, боялся держать эту весьма дорогую вещь у себя в Лондоне. Оригинал договора 1258 года между Англией и Францией также хранился у парижских храмовников.

Эти ценные бумаги, расписки и дарственные и были основой основ могущества и влияния ордена. Следует сказать, что тамплиеры одни из первых поняли и осознали власть денег. Пожалуй, к этому их привел дуализм религиозных воззрений. Посвященные в тайные мистерии, храмовники поклонялись высшему Богу, в котором они видели одновременно творца духа и добра, и наряду с ним низшему богу, создателю материи и злого начала. Такой дуализм был свойствен и манихеям, учение которых получило широкое распространение на юге Франции в XIII веке и с которыми тамплиеры были в большой связи, всячески укрывая их от гнева Папы Римского.

Это поклонение богу материи и зла неизбежно привело к тому, что храмовники стали всерьез интересоваться теми механизмами, которые и управляли реальным, а не духовным миром. Если все Средневековье смотрело на мир с точки зрения чего-то преходящего, тварного, суетного, не заслуживающего внимания истинного христианина, то тамплиеры, благодаря своему дуализму, прекрасно понимали, что этот материальный мир не столь призрачен, что знание законов, по которым он действует и живет, может дать неограниченную власть. Впервые за все Средневековье, обратив внимание на огромную роль денег, храмовники решили соединить и привести к одной цели и силы добра, и силы зла. Деньги в эпоху Средневековья имели следующий эквивалент – это один фунт чистого золота. Вот основа основ, вот тот атом, тот священный первоэлемент, тот архимедов рычаг, с помощью которого рыцари Храма решили

перевернуть мир с ног на голову. И в связи с этим следует отметить, что в парижский орденский храм был помещен образцовый золотой ливр (фунт), служивший идеальной монетой для всего французского королевства.

Другой, более поздний, стандарт соответствовал монете, содержащей от 3 до 5 граммов чистого золота и отчеканенной во Флоренции (флорин) или в Венеции (дукат) в середине XIII века. Но эту первоматерию бытия суждено было уже использовать в своих целях тем, кто продолжил дело тамплиеров после официальной гибели ордена.

При казначее же находился и портной, снабжавший всю братию платьем. Каждому рыцарю полагалось иметь три лошади, одного оруженосца и один шатер. Все члены получали одинаковые пайки, скромное, но самого лучшего качества одинаковое оружие. Было точно определено, сколько полагалось каждому брату одежды, постельных принадлежностей и оружия. Эта бережливость скряги, как ни странно, великолепно сочеталась у тамплиеров с истинно благородным рыцарским духом. Они копили деньги не для себя, а для неведомой и тайной Великой Цели. Тамплиеров воспитывали как прекрасных воинов. По преданию, каждый из них в бою должен был стоять двух или трех рыцарей врага.

При взятии Аскалона они показали все свое отчаянное безумство в бою. Защитники города попытались было поджечь осадные сооружения атакующих, но ветер подул в их сторону, огонь охватил стены, и вскоре образовалась брешь. Тут же все нападавшие ринулись к пролому. Однако по приказу Великого Магистра, тогда еще де Моле не был удостоен подобной чести, в этом месте устраивают затор. По замыслу, в город первыми должны были ворваться лишь воины Храма, дабы удивить всех своей доблестью и мужеством. Сам Магистр, показывая пример безумной храбрости, въехал на своем скакуне впереди небольшого отряда в город, численность гарнизона которого превосходила численность его воинов в несколько десятков раз. На огромной скорости на глазах опешившего населения они промчались по узким улицам к самому центру. Их бородатые лица излучали в этот момент огонь. Они летели на своих скакунах в красивых белых плащах с красным крестом под развевающимся бело-черным знаменем, готовые распрощаться с жизнью в смертельной схватке, и несмываемый пот придавал бронзовый отлив их благородно-саркастической и устрашающей улыбке...

Ничего не замечая в своей безумной скачке, тамплиеры даже не обратили внимания на то, что подкрепление не способно пробраться к ним на помощь. Доскакав до противоположной стены и оказавшись в тупике, рыцари только сейчас смогли оценить свое отчаянное положение. Посмотрев друг на друга, толком так и не поняв, зачем надо было совершать подобное безумство, тамплиеры ринулись на полчища врагов вслед за своим Магистром. Какой-то турок нанес ему удар копьем, лошадь воина упала на колени, сам Магистр перелетел через голову, затем быстро поднялся с мечом в руке, готовый дорого продать свою жизнь. Рыцарь свиты, мессир Антуан де Лорей, подает знак Магистру укрыться в разрушенном доме. Он прикрывает отход своего начальника и погибает в бою. Оставшиеся в живых тамплиеры окружают кольцом пешего Магистра. Они движутся к разрушенному дому, чтобы занять оборону. Еще один рыцарь свиты, мессир Грандис де Савойя, ранен в оба плеча, «и рана была столь велика, что кровь текоша, словно родник», затем еще один рыцарь оказался ранен обломком сабли в лицо так, что «нос падоша на уста». Но каждый борется как лев. И все, включая Магистра, погибают в неравном бою, так и не дождавшись подмоги. Безумный и славный день! Безумный и славный подвиг то ли во имя Господне, то ли в честь демона Богомета!

И несмотря на это отчаянное безумство в бою, в мирной жизни воины-тамплиеры были кротки, как голуби. Братьям воспрещались всякие праздные разговоры. Без разрешения главы они также не имели права отлучаться из общежития и не могли обмениваться письмами, даже с родителями. Тамплиер должен был избегать всяких мирских развлечений. Вместо этого он должен был усердно молиться и ежедневно со слезами и стенаниями приносить покаяние Богу.

За престарелыми, слабыми и больными братьями был установлен чрезвычайно внимательный уход; попечитель о бедных получал ежедневно десятую часть хлеба для раздачи нуждающимся. Существовало специальное уложение о наказаниях, определявшее кары за нарушение правил ордена. Преступления карались изгнанием из ордена, а незначительные проступки имели следствием лишь временное лишение орденской одежды. Кто раз лишился плаща, уже никогда не мог занимать почетной должности или давать показания против кого-нибудь из братьев. До тех пор, пока ему не возвращали плаща, наказанный рыцарь должен был работать с рабами, есть на земле и не смел прикасаться к оружию. Желавший вступить в орден тамплиеров должен был обладать здоровьем, происходить от законного брака и из рыцарского рода; он должен был также не состоять в браке, не быть связанным присягой с другим духовным орденом, не быть отлученным от церкви и не добиваться вступления в орден путем подарков или обещаний.

Перед торжественным посвящением кандидата, отбывшего уже год предварительного искуса, два брата отводили в особую комнату при церкви ордена и здесь говорили ему о серьезности его намерения и об обременительности тех обязанностей, которые он собирался на себя взять. Если же он оставался тверд в своем желании, то с разрешения собравшегося капитула его вводили в зал, приводили к присяге на Евангелии и с торжественной церемонией облачали в плащ.

Покидать орден без разрешения было строго воспрещено. Если выбывший из ордена брат снова хотел вернуться, то он должен был стать у входа в дом ордена и, преклоняя колени перед каждым входящим и выходящим братом, молить о пощаде. Затем попечитель о бедных предлагал ему подкрепиться пищей и питьем и сообщал капитулу, что брат-отступник молит о милосердном приеме. Если капитул давал согласие на это, то проситель, с обнаженной верхней частью тела и с веревкой вокруг шеи, являлся перед собранием капитула, на коленях и со слезами молил о приеме, заявляя о своей готовности понести какое угодно наказание. Если он затем совершал в течение назначенного срока покаяние, то капитул возвращал ему орденскую одежду.

Магистром тамплиеров Жак де Моле стал не в лучшие для ордена времена. После героической гибели в битве при Сент-Жан-Д'Арке Магистра Гийома де Боже на этот пост был избран Тибо Годан. В 1293 году славный Магистр отдал душу Богу, и в этом же году Жак де Моле за свои боевые заслуги перед орденом был избран братьями единогласно. А тамплиером де Моле стал еще в 1267 году, получив белую мантию из рук самого Умбера Пэро, дяди Гуго де Пэро, весьма примечательной личности в истории ордена.

С одной стороны, все, казалось, идет как нельзя лучше. Созданное еще в самом начале Крестовых походов это весьма необычное рыцарское братство к XIV веку по своему могуществу и богатству могло соперничать со всеми государствами христианского мира. Доход храмовников в этот период соответствовал, как утверждают некоторые историки, 20 млн золотых талеров, и в одной лишь Франции они могли выставить армию в 15 тыс. всадников. Другие ученые приводят совсем астрономические цифры: 54 млн талеров и 20 тыс. всадников. Филипп Красивый, например, самый в это время могущественный монарх Европы, мог противопоставить ордену лишь 5 тыс. верных ему воинов и полупустую казну.

Но, с другой стороны, у храмовников исчезла почва под ногами. Отчаянная битва при Хаттине, которая произошла в 1187 году, 9 июля, окончательно решила судьбу христианского царства в Святой земле. Напоенное кровью поле битвы покрылось в тот день растерзанными телами лучших рыцарей ордена тамплиеров. Третьего октября того же года Саладин совершил свой торжественный въезд в Иерусалим, который за девяносто лет до этого завоевали отважные крестоносцы. Храм Соломона, в честь которого и был назван орден и который играл огромную роль в духовной жизни братства храмовников, стал недостижим. Тамплиеры словно утратили

ту цель, ради которой и был создан их могущественный орден. Плоды нечеловеческих жертв были уничтожены одним ударом.

Однако после потери Иерусалима орден тамплиеров, подкрепленный новыми членами, прибывшими с Запада, перенес свою главную резиденцию в крепость Аккон. Эти отважные рыцари вместе с госпитальерами продолжали сопротивляться неизбежному, они оставались единственной защитой немногих живших еще в Палестине христиан. Хотя геройское мужество фанатичных борцов за веру оставалось все тем же, как и в светлые для крестоносцев дни, но соперничество двух орденов за пальму первенства исключало возможность эффективной совместной деятельности. Вследствие всего этого дни храмовников и госпитальеров в Палестине были сочтены. И когда в 1291 году блестящий Аккон – последний оплот христиан на Востоке, неисчерпаемый источник богатства, – попал в руки сарацин, тамплиеры покинули Сирию и удалились на остров Кипр. Святая земля была окончательно утеряна. И тогда на совете ордена было принято решение вернуться на свою западную родину.

Там, среди своих владений, рыцари могли, как им казалось, почувствовать себя в полной безопасности. Ведя спокойный образ жизни, они собирались обдумать, по какому пути им следовало вести своих братьев в будущем. Папа Клемент V неожиданно пошел навстречу их тайному желанию; он вызвал к себе Магистра Жака де Моле как будто бы для того, чтобы обсудить возможность нового крестового похода. В 1306 году Моле немедленно собрался в путь в сопровождении всего своего совета и шестидесяти самых уважаемых рыцарей и отправился во Францию, где ордену принадлежали огромные владения, неподвластные королю. Моле взял с собой всю орденскую казну, состоящую из 150 000 золотых и из тюков серебра, которые могли нести десять мулов.

В тот памятный летний день Великого Возвращения тамплиерам понадобилось немало времени, чтобы обсудить порядок, в соответствии с которым рыцарям следовало войти на малознакомую им территорию. Вместо открытого врага в лице сарацин им предстояло встретиться с куда более коварным и сильным. Каждый понимал, что появление в Париже такого количества вооруженных рыцарей, не считая слуг-эфиопов и мулов, груженных орденской казной, следовало подготовить надлежащим образом. Как-никак, а тамплиерам приходилось вступать на территорию короля, который еще совсем недавно так легко и бесцеремонно расправился с их могущественным покровителем Папой Бонифацием VIII. Уже давно до Бонифация VIII начали доходить слухи о том, что во Франции духовенство стало облагаться большими налогами и что король распоряжается так, как будто бы “на свете не существует Папы”. Папа резко выступил против короля, запретил ему взимание с духовенства налогов и вызвал в Рим некоторых прелатов, чтобы с ними обсудить меры борьбы против королевской политики. В ответ на это во Франции был воспрещен вывоз золота и серебра за границу и были созваны представители разных сословий, с тем чтобы они поддержали “авторитет” короля в его борьбе против “чрезмерных притязаний” папства. Тогда Бонифаций VIII издал знаменитую буллу “Unam Sanctam” (18 ноября 1302 г.), в которой говорилось, что существует единая святая католическая церковь, которая имеет лишь одно тело и одну главу – Христа, и его наместника на земле – Петра и преемников последнего на папском престоле. Во власти Папы находятся два меча: “один, подчиняющийся другому, светский – духовному”. “Духовная власть, правда, передана человеку, но она не человеческая, а божеская, и кто не повинуется ей, противится воле Господней и подлежит принудительному спасению”. Решительный тон Бонифация VIII объяснялся отчасти тем, что французский король в это время потерпел поражение в борьбе с Англией и Папа надеялся на его вынужденное смирение. Он также рассчитывал и на то, что в лице Альбрехта Австрийского, которому Папа предлагал корону Римской империи, ему удастся найти мощного союзника. Новому императору надлежало, по указанию Папы, “стоять на страже созданного Богом порядка”. Отныне французский король – уличный мальчишка, который забывает, что Папа – это тот, кому Христос сказал: “Управляй народами лозою

железную и разбей их, как сосуд глиняный”. Французы этого заслуживали, так как, по словам Папы, они “собаки”. Но расчет Бонифация VIII оказался ложным. Альбрехт вовсе не собирался вступать в конфликт с французским королем. Филипп Красивый в свою очередь не собирался прощать Папе подобных обид. Государственный совет Франции по инициативе ближайшего советника короля – Гийома Ногаре обвинил Бонифация VIII в том, что он противозаконно занимает папский престол, и вынес решение о немедленном созыве церковного собора, который осудил бы Папу как еретика, симониста и преступника.

По поручению Филиппа Красивого Ногаре отправился в Италию, организовал противников Папы в небольшой отряд, подкупил многих и вместе с двумя кардиналами, которых Бонифаций VIII преследовал по личным мотивам, настиг Папу в его резиденции – Ананьи, арестовал и избил его. Однако в Ананьи начались манифестации “против иностранцев”, а вскоре из Рима прибыли для спасения сошедшего с ума Бонифация VIII 400 всадников, с которыми 86-летний Папа перебрался в Рим, где через месяц (11 октября 1303 г.) умер.

Начались долгие поиски кандидата в Папы. Общая растерянность привела к тому, что избран был безвольный монах Бенедикт XI (1303–1304), который должен был все и всех простить, за исключением Ногаре и некоторых других “прямых виновников чудовищного преступления, совершенного разбойниками”. Однако “разбойники” не предстали перед судом, ибо некий молодой человек, одетый в монашеское платье, предложил Бенедикту XI от имени одной аббатисы несколько свежих винных ягод, от которых тот и умер.

Снова начались лихорадочные поиски нового Папы. В течение 11 месяцев велась борьба вокруг кандидатов. Филипп Красивый взял инициативу в свои руки. Отныне он сам собирался руководить политикой Папы. По его настоянию понтификом был избран никому не известный гасконский прелат Бертран де Го, который и стал Папой Клементом V. Он и пригласил де Моле в Париж. Получалось, что помимо Святой земли храмовники к этому времени утратили и покровительство самого Папы Римского. Как самостоятельное государство, но только потерявшее собственную территорию в кровопролитной войне, тамплиеры не подчинялись никому в христианском мире, кроме понтифика, но и он в лице Клемента V полностью находился во власти французского короля. Орден стал напоминать колосса на глиняных ногах. Все говорило о возможной ловушке. Только слепой не видел опасности, но слепых в ордене обычно отправляли на покой, и за ними следил особый попечитель. К управлению немощные братья не допускались. Въезд в Париж становился политическим событием огромной важности.

В палатке Магистра помимо членов совета присутствовали и шестьдесят рыцарей самого благородного и знатного происхождения. В течение нескольких часов заседали тамплиеры, и надежная стража терпеливо охраняла их. Но обсуждали рыцари, в общем-то, самые простые вещи. Например, кто в каком ряду поедет, кто за кем последует. Вести ли казну под усиленной охраной по улицам Парижа и тем самым выказывать недоверие горожанам и самому королю, или оставить при мулах, груженных мешками с серебром, лишь рабов-эфиопов? Однако и это могло тоже оскорбить короля. Здесь обращало на себя внимание не только рабство, но и черная кожа сопровождающих. Вот истинные хранители золота, вот кто любит презренный металл больше всего на свете. А все знали о том, как любит король деньги, как сходит с ума от звона золотых монет. Спор был долгим. Наконец решили бросить вызов. Решили поднять свой молчаливый голос в защиту избитого старика Папы Римского Бонифация VIII. Это был риск, но тамплиеры умели рисковать и ни при каких обстоятельствах не собирались терять своего человеческого достоинства. Обсуждалось также и то, как вести себя, если толпа не окажет рыцарям нужного почтения. Что можно было предпринять в подобном случае? Как благотворно можно воздействовать на эмоции черни, которая, по данным разведки, уже была заражена предубеждением по отношению к членам ордена. Решено было отправить вперед одного из молодых братьев, чтобы тот заранее предупредил капелланов и звонарей парижских церквей, принадлежащих ордену.

Магистр умело вел это довольно хлопотное и сложное совещание. Как самый старший по званию, он обязан был следить за тем, чтобы ни один пункт устава ордена не был пропущен. Тамплиеры, как и все люди далекого Средневековья, придавали этикету религиозное, литургическое значение. То, что для современного человека могло бы показаться мелочью, для них, людей прошлого, наделялось особым сакральным смыслом.

Въезд в Париж для собравшихся был равен въезду Христа в Иерусалим. Надо учесть было каждую деталь, как при создании знаменитой фрески на библейский сюжет. Из тщательно продуманных мелочей создавался определенный символический текст. Для человека Средневековья не книга была основным источником информации, а символы, запоминающиеся детали жизни, которые он в своем сознании связывал в некий текст и по-своему растолковывал его.

Своим торжественным въездом в Париж тамплиеры писали послание королю. Это послание должно было быть не дерзким, но твердым, и в нем, прежде всего, должно было ощущаться чувство собственного достоинства тех, кто по праву мог назвать себя автором этой ненаписанной страницы. Глазами своих подданных король обязательно прочтет предложенную его вниманию живую страницу, составленную из фигур рыцарей ордена навсегда утерянного в далекой Палестине Храма. Перед ним провезут такие деньги, столько золота и серебра, сколько и не снилось алчному и вероломному Филиппу Красивому, а там – будь, что будет. Судьбе всегда надо бросать дерзкий вызов, как в памятной битве при Аскалоне.

Ближе к вечеру, когда солнце клонилось к закату, рыцари вошли боевым строем в город, который сразу же показался им не особенно дружелюбным.

Впрочем, небо было еще ясным, в воздухе чувствовалась вечерняя прохлада, а лучи заходящего солнца делали позолоченными стены домов и слегка красными лица любопытных. В этом Магистр прочитал для себя и своих подданных добрый знак.

Толпа встретила тамплиеров гробовым молчанием. Впервые воинов Христовых увидели в таком количестве на улицах Парижа. Молчаливые, мрачные, с красными крестами на груди и спине, символизирующими мученичество, и с белыми шарфами на поясе, которые должны были говорить о сердечной чистоте помыслов тех, кто ехал сейчас по городу, всадники чинно двинулись по узким улицам. Казалось, их лица были абсолютно бесстрастными. Ни один из них даже случайно не бросил неосторожного взгляда в сторону красивой женщины. Бороды их были нечесаными, волосы коротко стриженными, а рука каждого твердо сжимала железную узду, и ни одна лошадь не сбилась с общего ритма, не нарушила общий строй.

И вдруг толпа словно по команде ахнула от удивления. Вслед за рыцарями на мулах ехали рабы-эфиопы. Вид этих совершенно черных людей поразил каждого. От неожиданного звука затанцевала лошадь крайнего рыцаря, но он тут же смог справиться с ней, и все вернулось к прежнему чинному ритму. Тамплиеры медленно приближались к своей знаменитой башне. И когда до места оставалось совсем немного, напряженное молчание толпы было неожиданно взорвано веселым перезвоном, который начал доноситься со всех колоколен церковью Парижа, принадлежащих ордену. Толпа, словно выйдя из оцепенения и поняв, наконец, что ей следовало делать, начала выкрикивать нестройные приветствия и креститься. Напряжение спало, и воины ускорили шаг своих скакунов. Запоздалое признание заслуг ордена со стороны тупой людской массы все-таки состоялось. Всадники воспрянули духом. Все как один, они выразят сегодня благодарность капелланам и простым звонарям братства, которые так умело смогли выйти из неловкого положения. Толпа нуждается в мудром пастыре, толпой следует управлять, и если надо, то и выколачивать из нее нужные чувства.

Рыцарь, который ехал рядом с Магистром, развернул под оглушительный веселый перезвон свою орифламму и поднял ее высоко над головой, дабы каждый из собравшихся зевак мог прочитать следующие слова: “Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam” (“Это не мы, Господи, не мы, но Имя Твое покрыто славой”). Теперь собравшиеся праздные горожане уже в едином порыве все как один выразили в общем вопле свое восхищение перед нагрянув-

шими в их город крестоносцами. Париж пал без боя. Казалось, у воинов Христа никогда не было подобной бескровной и полной победы за всю историю ордена. Лишь де Моле, словно предчувствуя скрытую опасность, не предавался веселью, а упрямо смотрел вперед, будто не замечая призрачного воодушевления.

Филипп Красивый ждал тамплиеров уже давно. Он расспрашивал своих приближенных о всех мелочах этой выдающейся процессии, и послание было им понято именно так, как того хотели храмовники.

III. Бунт

В один из вечеров Шарль де Валуа и Луи д'Эвро ужинали в королевских покоях со своим царственным братом Филиппом IV, прозванным Красивым. Вряд ли когда-либо удастся воссоздать точный облик короля Франции, однако современники единодушно считали его статным красавцем, бледнолицым и светловолосым. Он был прекрасным рыцарем и охотником. Бернар Сэссе, епископ Памье, которому пришлось сурово поплатиться за свои слова, сравнивал короля с совой. Эту птицу в древности другие пернатые избрали своим царем из-за ее необычайной красоты, хотя на самом деле сова оказалась птицей совершенно никчемной. Епископ утверждал далее: «Таков и наш король, который красивее всех на свете, но только и умеет, что палить глаза, как сова».

Анонимный автор критиковал короля за то, что тот окружил себя «вилланами», т. е. ворами и бандитами всех мастей, людьми, которые уже по природе своей жестоки, испорчены и злобны. Справедливость, по мнению этого человека, и не ночевала во дворце, потому что король почти все свое время проводит на охоте.

Другие же современники Филиппа IV, напротив, его идеализировали. Гийом де Ногаре, чье возвышение и последовавшее за ним благосостояние почти полностью зависели от королевской милости, говорил следующее о короле: «Он всегда строг и целомудрен – как до брака, так и вступив в него – и всегда отличался особой скромностью и сдержанностью как в облике своем, так и в речах, ничем не проявляя ни гнева своего, ни неприязни к кому-либо, и всех любил. Он – воплощение милосердия, доброты, сострадания и благочестия, истинно верующий христианин».

Следует признать, что этот монарх был центральной и управляющей силой в королевстве. Ближайших помощников он выбирал себе сам, и за все годы его правления ни один из них не играл в делах Филиппа первую скрипку, подменяя его самого. Пресловутое «равнодушие» и некую отчужденность Филиппа IV можно, видимо, воспринимать как умышленную попытку соответствовать облику «христианнейшего» короля, каковым считался его дед Людовик Святой, любимый в народе. Король Франции был прекрасным актером, который умел создать о себе нужное впечатление среди своих подданных. Недовольных было слишком мало, и Филипп умел усмирять их недовольство.

После смерти своей супруги, королевы Жанны, Филипп полюбил проводить вечера в кругу своих близких. За столом в такие часы всегда царило согласие. Одно блюдо сменялось другим в соответствии с этикетом. Стольник, прислуживающий братьям, сам догадался, что настала минута душевного разговора, и тихо удалился, прикрыв за собой тяжелые двери, ведущие в пиршественный зал. После равномерного позвякивания посуды и дорогих бокалов наконец-то воцарилась почти полная тишина. Лишь слышно было, как время от времени потрескивают дрова в камине. Какое-то время Филипп наслаждался этой странной полутемной, глядя на огонь и на искры, взлетающие после каждого резкого щелчка в воздух и падающие на каменные плиты у камина. Король любил смотреть на огонь. Пламя с его непредсказуемостью доставляло ему истинное наслаждение. Прекрасно осознавая, насколько душа его отягощена грехами, Филипп словно пытался представить себе то пламя, которое, скорее всего, ждало его после смерти. Пожалуй, так не следовало поступать с Папой, не следовало избивать наместника Бога на земле как простого смертного. Равно как и не следовало подсылать к другому понтифику наемного убийцу с отравленными ягодами. Эти и многие другие деяния уже давно занесены в Божьи книги, и их никогда не загладить, не изменить. В короле, как и во многих людях его эпохи, словно боролись два человека: один из них был подчеркнуто религиозен, а другой из всех сил сопротивлялся этим узам, этим веригам, сковывающим его свободу. Будучи, может быть, самым большим грешником своей эпохи, человеком, под-

нявшим руку на самого наследника святого Петра, которого еще Христос оставил после себя среди людей, Филипп Красивый отличался при этом необычайной набожностью. Четыре дня в неделю он постился и сидел только на воде и хлебе. Любил раздавать милостыни и служить заупокойные мессы по каждому своему подданному, скончавшемуся либо своей смертью, либо от руки палача по приказу самого Филиппа. Все помнили, как в разгар одной из битв с англичанами король Франции вдруг покинул поле чести, чтобы отстоять мессу в соседней церкви. Люди гибли, проливали кровь, а монарх так и застыл, погруженный в свой breviary. Свита, которая ожидала его, не слезая с коней, начала заметно волноваться. Время для молитвы было выбрано крайне неудачно. Бой продолжался, и англичане в любую минуту могли предпринять контратаку и захватить короля, находящегося в молитвенном экстазе. Наконец решили послать одного из сенешалей, чтобы тот предупредил Филиппа об опасности, его подстерегающей. Но Филипп спокойно продолжал читать свои “Pater Noster”, не обращая внимания на нетерпение свиты и посланника.

Огонь в камине ясно осветил сейчас французскому королю все перспективы его загробной жизни, и ему понравилось, понравилось это чувство неизбежности страданий и расплаты. Оно давало ему ощущение законности. И в этой, и в другой жизни все должно быть расписано в соответствии со строжайшими правилами. Но какое неизъяснимое наслаждение испытывает душа, когда эти правила приходится нарушить. Как, наверное, приятно было Скъярра Колонна, когда он нанес пощечину стареющему Папе. Говоришь о смирении, так подставь другую щеку. Эта картина так ясно предстала пред взором короля, что он с силой сжал подлокотник своего дубового кресла, на котором была изображена могучая голова льва. Наверное, нечто подобное испытывают и толпы самобичующихся, некоторые из которых в своем слепом рвении засекают себя до смерти. Филипп, когда к городу подходили толпы флагелланствующих, всегда просил направить этих грешников мимо окон дворца, чтобы втайне насладиться желанным зрелищем, насладиться видом изуродованных спин, плетей, разбрызгивающих кровь налево и направо, видом тел, бьющихся в конвульсиях. “Так, так, – шептал самому себе король в такие минуты. – Так, так. Получай, мерзкая плоть, получай свое, получай!”

В эти дни люди постились; все шли босиком – советники парламента, так же как и беднейшие горожане. Многие несли факелы и свечи. Среди участников процессии всегда были дети. Пешком, издавлек, босиком приходили в Париж бедняки-крестьяне. Люди шли сами или взирали на идущих “с великим плачем, с великой скорбью, с великим благоговением”. А время могло быть весьма дождливым. Наблюдать за флагелланствующими Филипп стал после смерти своей милой Жанны. Покойная супруга давала ему столько наслаждения и радости, что не требовалось никаких других острых ощущений. В глубине души король Франции догадывался, почему он решил стать великим грешником. И дело здесь было не только в прямой выгоде, хотя и в ней тоже. Грех позволял заглушить то чувство тоски и уныния, которое разрывало его сердце на части после скоропостижной смерти любимой супруги. С одной стороны, будучи добрым христианином, Филипп понимал, что все в “руце Божьей”, что смерть милой Жанны надо воспринимать с радостью, потому что его супруга, этот ангел во плоти, могла попасть только на небо и никуда больше. И в этом случае необходимо смириться и вести праведный образ жизни, во всем подражая деду своему, Людовику Святому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.